

Нифонтова Ю. А.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Небо теряет свое оперение,
Тихо на землю текут облака,
Необъяснимое духа парение
В мире из сахара и молока.

Двое на лавочке – скрипка и мальчик,
До потрясения их изумил
Город пушистый на лапах кошачьих,
Мягко скользящий по краю зимы.

Опустошением после скандала,
Освобождение – камень с души,
Все успокоилось, все замолчало,
Манной небесною припорошив.

Только встряхнул кто-то шарик стеклянный,
И закружило, завьюжило вновь.
Мокрого парка дубы-великаны,
И созерцательность ростом с любовь.

Миром и миррой – умиротворением,
Сонным эфиром наполнена плоть.
Вовсе не здесь, а в другом измерении
Лавочка, скрипка, скрипач и Господь.

* * *

В лужах плещутся автобусы,
Суматошные, как гуси.
Небоскребы-гладиолусы
Рвут божественные гусли.

Наполняются томлением
Все ожившие волокна.
Первый хмель вина весеннего
Пьют зареванные окна.

Раскудрявились волосы
У чумазных бойких кленов,
И поют охрипшим голосом
Клены кленихам влюбленным.

Без ума, без сна, без просыху,
Слепо щурясь свету белому,

«По воде, да яко посуху»
Мы бежим, как угорелые.

Поцелуи бестолковые
Жгут обветренные губы.
Промочил кроссовки новые
Заполошный город глупый.

Говорила бабушка, старость праздную:
«Я ещё тудыличи в могуте была!»*
Трудовые, праздные, будни разные,
Чередой праздников кабала.

И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьётся комочек сердца
Жизнь уже случилась,
 сбылась,
 была...

«Я ещё тудыличи в могуте была!»* - (устар.) т. е. когда я была молодой, в силе

Улочки детства

Тёплый ветер вдоль Зелёной Рощи,*
От Меланжевой* до Обводной*
Простыни крахмальные полощут
И вздымает к небу по одной.

По дорожкам, утонувшим в травах,
Стелет ароматные дымы.
Воробьёв весёлые оравы
Разгоняют утренние сны.

На ветвях беременные почки
Скоро к небу вскинут паруса.
Помню здесь все рытвины, все кочки,
Узнаю собак по голосам.

По ночам тут слышен стук колёсный,
Поездов тревожные гудки –
К нам спешат страстей грядущих вёсны,
Жизнь со смертью наперегонки...

* название улиц одного из старых кварталов г. Барнаула

Мы с июнем большие товарищи –
Воспеватели каменных плит.
Только там, где души обиталище
Почему-то болит и болит.

Мы дождались, чтоб волосы длинные
Тополя, не откинув от глаз,
Выбивая подушки с перинами,
Белым пухом засыпали нас.

Всё в лицо и в лицо – просто мистика!
И отбиться не можем, ворча...
Так любовь моя белым пушистиком
Между небом и небом – ничья...

* * *

Желтое марево плавит асфальт,
Солнце повисло мячом волейбольным.
Непредсказуемый Оскар Уайльд
Нас напридумывал остро и больно.

Город-аквариум мутной воды
Воды тяжелые тихо покачивал.
Что же так быстро стал тополь седым?
Что же вы быстро так выросли, мальчики?

Юный июнь – обаятельный плут,
С пьяным вином, и глаза с поволокою.
Словно живые пушинки плывут
Белыми рыбками в небо глубокое...

Джокер

Не тасуется колода
Без коварной дамы пик.
Эх, актёрская порода –
Гуттаперчевый язык.

Думал, всех обставлю в покер,
Оказалось всё не так.
Был уверен, что я джокер,
Вышло – подкидной дурак.

Грустно мне – я улыбаюсь,
Всё кипит – я не сержусь.
По арене кувыркаюсь,
Спать без грима не ложусь.

Мне не вырваться из клетки
Эксцентричного вранья,
Не сорвать позорной метки
Насмерть впившейся в меня.

Всё меняет в антураже
Время – карточный факир:
Бутафорские пейзажи,
Декорации квартир.

Полоумная, шальная,
Опереточная роль,
Я её всю жизнь играю
В кулачок сжимая боль...

О людях в чёрном

И не был никто готов
К явлению чёрных Готов
Из сумеречных садов
В ячейки бетонных дзотов.

И не был никто знаком
С нашествием чёрных Нарков.
Наркотики. Точка. Ком.
В подъездах, дворах и парках.

А время кричит: «Come on!»*
Заплаканным чёрным Эмо.
Как раб дорожит клеймом.
Как евнух любим гаремом.

Кто реквием заказал?
Но снова заказан Моцарт.
Есенин предупреждал,
И летом чернело солнце.

Свой саван накинуд век,
Как глаз прикрывает веко.
Часы замедляют бег –
Ждут чёрного человека...

«Come on!» - (англ.) Давай, погнажи!

Париж

Увидеть Париж, и умереть!..

* * *

- Bonjour! Bonjour! Comment ca va?*

Четыре поцелуя.

Безостановочно слова

Журчат, и в них тону я.

А здесь шампанское с утра,

И кофе даже на ночь,

И жизнь - не жизнь, а лишь игра.

Упёртый русский завуч –

Я здесь чужая. Я не я.

От деланных улыбок

Под кожей ползает змея,

Спасая от ошибок.

А здесь отсутствует час пик,

В автобусах - свобода.

Париж похож на Мозамбик

От чёрного народа.

А здесь никак не разобрать

Когда зима и лето.

Поверь, не стоит умирать,

Увидев город этот.

* * *

Букет сирени, как ребенок на руках,

В резных кружавчиках сиренево-крахмальных.

Опять весна оставит в дураках,

Пройдя насквозь крамольно и фатально.

Лицо топлю в душистой пене той,

И захлебнусь волшебным мигом страстно,

Вослед за Фаустом воскликну я: «Постой,

Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!»

Глаз не отнять, затянет полынья

Безжалостной любви и обожанья,

Но лишь сирень умеет исполнять

Своих губителей заветные желанья.

Созвездие соцветий - Божий знак

Нас делает добрее и смиренней.

Один художник Врубель точно знал,
Как выглядит она - Душа Сирени.

Степь

Стонет старый крест дорожный.
Стелет поле суховой
И колышет осторожно
Волосинки ковылей.

Ширь да гладь, куда ни глянешь,
Лишь стрекочет саранча.
Выгорел и выцвел глянец
Неба на моих плечах.

Степь течёт и, разливаясь,
Жарким маревом дыша, -
Вызревает. Вызревает
Бесконечная душа...

Не случилось со всей мочи –
Будем понемногу.
Вянет нежный мой цветочек,
Глядя на дорогу.

Подожди – и снег растает,
Поздно или рано.
Это истина простая, -
Зарастает рана.

Не гуляет вольный ветер,
Не тревожит пустынь.
Вполнакала солнце светит,
И на сердце пусто.

После горестной юдоли,
После чёрной страсти,
После долгой-долгой боли
Даже это – счастье...

Я систему твою разгадала,
Я постигла нюансы игры,
Оттого меня любят так мало,
Что язык мой – как жало иглы.

Самым верным всегда изменяют,
Самых умных дурачат и бьют.
Нас меняют, меняют, меняют
И посмертно дипломы дают.

В этой трудной пожизненной школе
Я экзамен сдаю выпускной,
Оттого среди грязи и боли
Моё тихое счастье со мной.

Я его заплетаю в косичку,
Умываю его по утрам,
Я его отпускаю, как птичку,
Я его никому не отдам.

Стаями заполнилась околица,
Стаял запоздалый снег с полей,
С тайным состраданием небу молятся
Чёрные обрубки тополей.

Погоди, погода, раскиселиться,
Пагоды покатые хлестать.
Только толку-то, что жизнь - подельница
Мягко стелет, да не мягко спать.

Станем мы лишь стойкими поэтому –
Квартиранты с тонущих планет.
Стоит в жизни, стоит быть поэтами,
Потому другой дороги нет.

Письмо мальчика, у которого умерла собака

Владимиру Свинцову

Уважаемый Боженька, здрасьте!
Если Ты опечалился, вдруг,
Знай, летит к Тебе пёс рыжей масти,
Настоящий и преданный друг.

Я Тебе на все сто доверяю,
И собаку родную дарю,
Но с собаками утром гуляют,
Ты давай, не проспи там в Раю.

Не смотри, что фигурой не статный,
А характером он - волкодав!
Не кричи на него, может цапнуть,
И по-своему пёс будет прав.

Ест он всё, и зовут его Чарли.
Ну, прощайся, огромный привет!
Намекни, что вы с ним повстречались,
И зажги поскорее рассвет.

Лунный глаз, угольком в копоту,
Не мигая, совсем остыл.
Хоть бы Ты был, Господи!
Господи, хоть бы Ты был!

В небо чёрное – чёрное с проседью
Будто в ухо Тебе кричу:
«Верить хочу, Господи,
Верить Тебе хочу!»

Вместе бы нам на погост идти,
Простить бы кровную месть.
Только люби нас, Господи,
Таких, какие есть!